

Да здравствует миролюбивая ленинская внешняя политика Советского Союза!

Воплотим в жизнь советскую Программу мира на 80-е годы!

(Из Призывов ЦК КПСС)

МЫ — ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ
ПУБЛИЦИСТА

Михаил
Дудин

В горниле самой революции рождались ее вечные символы, рождались и становились оружием бесчисленной армии борцов за самый справедливый мир в человеческих отношениях. Слова: «Мы наш, мы новый мир построим» — перестали быть просто словами, они превратились в организующую силу, в клятву верности и единства.

Ведь если я гореть не буду,
И если ты гореть не будешь,
И если мы гореть не будем,
Тогда кто же здесь рассеет тьму?

Я помню Назыма Хикмета, этого негшибаемого борца с душой ребенка, которая светилась в его чистейших голубых глазах под высоким лбом мыслителя, окаймленным седеющими кудрями. Люди доброй воли вырвали его из тюремного застенка, и он приехал к нам. Он радовался и свободе, и вновь обретенным друзьям. Душа его ликовала и на лету жадно схватывала каждое слово. Я помню, как мы сидели с ним в гостиной Дома писателя на берегу Невы, как он подходил к широкому окну и вглядывался в голубеющий контур «Авроры», стоявшей на вечном приколе у противоположного берега. Над водой кричали чайки, из-под арок Литейного моста вылетали голуби, вспугнутые низким гудком речного буксира. На флагштоке «Авроры» бился, переливался, горел красный вымпел, и его отсвет ложился на бледное лицо Хикмета, на его улыбку — добрую, доверчивую, солнечную.

Он был коммунистом ленинской выучки. Победа мировой революции была для него делом времени. Он уже умел видеть ее перспективы, ее возможности, уходящие в даль времен. Гармония революции была гармонией его поэзии.

Революция и поэзия. Это сестры. Их родство заставило Эжена Потье написать «Интернационал». Их родство заставило Глеба Кржижановского написать русскую «Варшавянку». Их родство привело Александра Блока к красногвардейскому костру и продиكتовало ему:

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

И эти слова стали паролем для всех часовых всех революций.

В июне 1917 года Клименту Аркадьевичу Тимирязеву шел семьдесят пятый год. Было трудное, решающее время. Но старый ученый, когда-то сказавший: «Наука и демократия — тесный союз знания и труда десятилетия лет был моим любимым призывным кличем», — мудрой и молодой душой своей понял неизбежную правду времени: «Теперь мы можем смело сказать, что из всех воля лучистой энергии Солнца, возмущающих безбрежный океан мирового эфира и проникающих на дно нашей атмосферы, обладают наибольшей энергией, наибольшей работоспособностью именно красные волны...»

И дальше, до самого конца, все такой же высокий строй взволнованной поэтической мудрости: «Перед человечеством стоит все тот же выбор: свободные народы или послушные бичу стада».

Развернет ли человечество свое славное красное знамя или иступленным и трусливым врагам «красной трапки» уластят еще раз волочить его в лужах пролитой ими крови? Раздастся ли победный гимн свободе и миру всего мира или он потонет в диком вопле поклонников войны: «Кровушки! кровушки! кровушки! Крови посвежей!» Вот в чем вопрос.

Красное знамя! Мы, мое поколение сверстников революции, принимали под этим знаменем пионерскую клятву. Мы ходили под этим знаменем через любовной огонь пулеметов в атаку. Мы спасали это знамя по казематам и лагерям смерти. Мы воздвигли это знамя на рейхстаге. Мы победили с этим знаменем величайшее зло двадцатого века — фашизм!

Однажды был у меня в гостях колумбийский поэт Хорхе Саламеа. Мы разговаривали о Гарсиа Лорке. И Хорхе Саламеа — он не коммунист, он просто честный интеллигент — рассказал мне, что был другом Лорки, что он хранит сорок писем от великого испанского поэта. И на одной из книг Лорки, изданной на русском языке, написал мне: «Моя поэзия — поэзия открытых вен». И пояснил потом: «Это так Лорка определял свою поэзию, так писал мне».

А я вдруг вспомнил Брюсова: «И песня с бурей вечно сестры».

Мы пили красное вино «Мукузани» и вспоминали общих знакомых, а потом читали стихи, он — на испанском, я — на русском. И стихи убирали расстояния и границы и во времени, и в пространстве. И вместе с нами сидели Габриэла Мист-

раль и Анна Ахматова, Яннис Рицос и Николас Гильен.

Хорхе уехал. Уехал моим другом. И у него теперь есть друг в Ленинграде. Больше, чем друг, — товарищ по борьбе!

Хорхе изумительно читал свои стихи. Его густой, выразительный голос до сих пор звучит в моей памяти. Он у себя дома часто выступает с чтением своих стихов. Пластинки с его стихами имеют большой спрос в Колумбии. Студенты распространяют эти стихи листовками. Одну такую листовку он оставил мне на память.

И вот я перевел ее, стихотворение называется «Жалоба». Я приведу здесь лишь первые строфы и последние. И вам будет ясно, о чем идет речь.

— Лепешки из маиса мне только саднят рот.
Мовет холодный никель — как языки огня.
И новая рубашка мне больно кожу жжет.
Я — черный мальчик, мама,
И все — не для меня...

— Нет, ты из крови сделан, она красна,
сын.

— Из черной крови, мама, ночь у меня
внутри.

...Мать рвет зубами руку. И брызжет
красный сок.

— Из черной? Нет, из красной...

Смотри сюда, смотри!

Я старался как можно точнее передать смысл этого стихотворения. Этот смысл дает мне право считать, что в далекой Колумбии у меня есть брат по песне, что символика его пристрастий почти такая же, как и моя. А все, что накопило в своей нелегкой борьбе человечество, освящено нашей кровью, ее красным цветом.

Я вспоминаю, как минувшим летом в могучее половодье вылился Марш мира-82. Вместе с его участниками в разных городах Европы пришли на митинги все люди доброй воли. Участники марша приехали и к нам, в Ленинград, пришли в Петродворце. Шел сильный дождь, и в шуме, в пелене его старый парк, тихий говор фонтанов были прекрасны и печальны. Сегодняшнее чудо восстановленного Петродворца — это труд и боль моего народа. Фашизм не смог навсегда уничтожить прекрасное. Оно снова блистает красками. Но память наша жива, потому мы в рядах борцов за мир.

И в парке Петродворца на митинге «Защитим цивилизацию» плечом к плечу с нами стояли датчане, норвежцы, шведы, финны... Глядя на их лица, я вспоминал тех, кто брался в жарком небе Испании 1936-го, кто пыл навстречу друг другу в студеных весенних водах Эльбы 1945-го...

Когда в мире становится неспокойно, борцы мира протягивают руки друг другу, интернационализм становится стойкой исторической силой. И меня радует, что не только в Европе, но и на родине охотников «ядерного смерча», в США, люди сильнее войны.

Когда у человека появилась возможность увидеть свою планету из космоса, он поразились более всего тому, как она мала, наша Земля! Я увидел почти всю ее не из космоса. Когда идешь по земле — она неизмеримо больше и красивей разнообразной красотой человеческих судеб. Я узнал, запомнил и навсегда полюбил лица друзей, освещенные багряным крылом революционной солидарности.

Недавно я вернулся из народного Йемена. Мы пробыли там всего-навсего неделю, а мне показалось, что месяца три — столько впечатлений дала поездка. Да и само время наполнилось новым смыслом человеческой радости, и масштабы этой радости вышли за обычный горизонт. Революция — сила в этой стране паранормальна с лиц женщин, и они улыбнулись пленительной благодарностью и стеснительностью.

Революция научила йеменский народ раскованности и ответственности. Слуга стал хозяином, вечный скиталец пустыни бедун остановил верблюда, взял в руки заступ и опустил в землю зерно. А человек, давший земле зерно, прекрасен.

Об этом и думал я на обратном пути, пролетая над голубизной Красного моря, окаймленного песками и горами.

А в пустыне дул ветер и перемещал песок. Песок перемещал дороги и тропинки.

Песок тяжелее, чем снег, и он не тает.

И надо все время расчищать дороги. Помогать расчищать дороги друг к другу, от сердца к сердцу, чтобы этот прекрасный мир не превратился в пустыню, в один песок, без никого и без ничего.

У нас есть уверенность, что мы сможем собрать нашу благодатную землю, у нас есть уверенность, что силы мира победят!